

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 321-332
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.321

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Sublime Porte was not Guided by any Specific Rules or Laws of Civilized War”: F.F. Martens on the Russian-Turkish War of 1877–1878 and Humanitarian Law

Nikolay Yu. Nikolaev ^{a, *}, Daria S. Iurchenko ^b

^aVolzhsky Polytechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Russian Federation

^bVolgograd State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the views of the famous Russian legal scholar and diplomat F.F. Martens on the war between Russia and Turkey in 1877–1878 and the observance by the belligerents of humanitarian law. Martens outlined his position primarily in the fundamental work «The Eastern War and the Brussels Conference. 1874–1878». In this work, he sought to analyze the political and legal aspects of the Russian-Turkish war of 1877–1878, as well as to substantiate the importance of observing the norms of humanitarian law. In addition, Martens sought to refute accusations against Russia of violating the laws and customs of war, which were codified at the Brussels Conference convened on her initiative in 1874.

Martens devoted a significant place in his work to the consideration of the nature of war. He considered conflicts between individuals and nations inevitable, but their forms and consequences should gradually change under the influence of social progress. Martens considered international law to be an effective means of resolving and preventing interstate clashes. In assessing the compliance of the belligerents with the laws and customs of war, Martens took the position of a harsh and categorical critic of Turkey, which constantly and purposefully violated the norms of humanitarian law, despite its participation in the Brussels Conference of 1874. The scientist explained this by the general low level of right-wing culture of both ordinary Turks and the Turkish elite. In turn, the Russian army and its government strictly followed the norms of humanitarian law during the war with Turkey, despite the actual refusal to comply with them on the part of the enemy.

Keywords: F.F. Martens, war, peace, pacificism, the Brussels Conference of 1874, the Russian-Turkish War of 1877–1878, international humanitarian law.

1. Введение

Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845–1909) – выдающийся российский ученый последней трети XIX – начала XX вв., одна из самых значимых фигур в истории отечественного международного права. В некрологе на смерть Мартенса его младший современник, также видный юрист-международник Б.Э. Нольде, писал: «Он (Мартенс – Н.Н., Д.Ю.) сумел перенести к нам и передать сотням и тысячам молодых юристов все то, что ко времени расцвета его научной деятельности было сделано в этом отношении на Западе, и занял редкое, к сожалению, для русских ученых, место в передовых рядах европейской науки» (Нольде, 1909: 1450). Перу Мартенса принадлежал также ряд серьезных исторических исследований, посвященных преимущественно анализу российской внешней политики XVI–XIX вв. (Мартенс, 1896; Мартенс, 1891а; Мартенс, 1891б; Мартенс, 1882а).

Немалую известность Мартенс приобрел и на дипломатическом поприще, участвуя в организации и проведении ряда конференций, посвященных кодификации международного права

* Corresponding author

E-mail addresses: nikcam@mail.ru (N.Yu. Nikolaev), dariayurch01@mail.ru (D.S. Iurchenko)

(Демьяненко, Иваненко, 2020: 76-80). Так, важным профессиональным достижением он считал собственный вклад в создание Конвенции о законах и обычаях (сухопутной) войны. Данная Конвенция была разработана на Брюссельской конференции 1874 г. (во времена Мартенса для определения гуманитарного права использовалось понятие «законы и обычаи войны»). К сожалению, итоговый проект Конвенции так и не был принят, но ее положения стали важным этапом в развитии международного гуманитарного права, а позднее легли в основу ряда конвенций и деклараций Гаагской мирной конференции 1899 г.

На протяжении всей своей жизни ученый пристально следил за соблюдением в международных отношениях норм гуманитарного права и, прежде всего, в тех военных конфликтах, в которых участвовала Россия. Целью данного исследования является выявление отношения Мартенса к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и его оценок соблюдения воюющими сторонами норм гуманитарного права. Кроме того, важным сюжетом выступает раскрытие взглядов Мартенса на феномен войны и возможность достижения общего мира.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили научные работы Мартенса и, прежде всего, его фундаментальное исследование «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.» (Мартенс, 1879).

К числу наиболее важных методов и приемов, которые использовались при написании данной статьи, относится историко-сравнительный (компаративный) метод. С его помощью авторы произвели сравнительный анализ воззрений Мартенса на соблюдение Россией и Турцией норм гуманитарного права в период войны 1877–1878 гг. Историко-системный метод был необходим для понимания целостности взглядов Мартенса на проблемы войны и мира.

3. Обсуждение

Значительные заслуги ученого в области кодификации международного права признавали еще его современники (Грибовский, 1896; Ельяшевич, 1911). Советская историография при свойственном ей критическом отношении к достижениям дореволюционных правоведов в то же время отмечала существенный вклад Мартенса в развитие науки международного права (Лесмент, 1975; Стародубцев, 1988). Общественный и научный интерес к его наследию стал особенно заметен в постсоветский период, когда были опубликованы многочисленные работы, посвященные различным аспектам жизни и деятельности Мартенса – его полемологическим воззрениям, вкладу в кодификацию международного права, дипломатической деятельности (Заботкин, 2008; Николаев, 2014; Пустогаров, 1999). Однако, несмотря на значительный исследовательский задел, отдельные сюжеты о научных интересах и практической деятельности талантливого ученого и видного государственного деятеля продолжают оставаться малоизученными. К примеру, до сих пор отсутствует комплексное исследование взглядов Мартенса на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в контексте соблюдения воюющими сторонами законов и обычаев войны.

4. Результаты

Участие в работе Брюссельской конференции 1874 г. стало первым серьезным вызовом для Мартенса и в качестве молодого ученого, и как начинающего дипломата. Причиной созыва конференции стали «кровавые ужасы» Франко-прусской войны 1870–1871 гг., которые убедительно показали необходимость гуманизации военных действий. Сам Мартенс писал, что эта война «самым наглядным образом доказала, до какой свирепости и жестокости могут доходить даже во второй половине XIX века народы, в разгар возбужденных войной страстей» (Мартенс, 1874: 183). Главной целью Брюссельской конференции стала регламентация прав воюющих сторон в отношении друг друга и частных (пассивных) лиц (Мартенс, 1879: 89). Мартенс был убежден, что посредством «кодификации международных военных законов и обычаев можно ограничить излишнее насилие в период войны, а также сохранить жизнь и имущество мирного населения, напрямую не вовлеченного в конфликт» (Мартенс, 1874: 188). На обсуждение участников конференции был вынесен разработанный им проект Конвенции, в котором были сформулированы основные нормы гуманитарного права (Мартенс, 1879: 1-18). В нем подробно регламентировались права и обязанности военнопленных; налагались определенные ограничения на нанесение вреда неприятелю (как по отношению к личности и собственности граждан, так и по отношению к памятникам истории, культуры и науки); тщательно оговаривались правила деятельности военных властей на завоеванной территории. Законы войны предполагалось распространить не только на армию, но и на ополчение и добровольческие отряды («некомбатантов»). Предложенный проект вызвал на заседаниях конференции самые горячие дискуссии (Мартенс, 1879: 125-128, 132-135, 137-139). В итоге, несмотря на все усилия российских представителей, Конвенция так и не была подписана (Мартенс, 1879: 19-34). На заключительном заседании конференции делегаты ограничились принятием формального протокола о важности проделанной работы и необходимости ее продолжения (Мартенс, 1879: 34-36). По «горячим следам» Мартенс оценивал итоги Брюссельской конференции достаточно высоко,

призывая европейские правительства ознакомить свои армии и вообще всех подданных с разработанными правилами ведения войны. Лишь при таком условии, по его мнению, вооруженное насилие будет поставлено «в известные пределы», а чинимые войной тяготы и бедствия «не будут превышать меру необходимого и неизбежного» (Мартенс, 1874: 230). Однако по прошествии времени результаты Брюссельской конференции Мартенс называл уже «полной неудачей» (Мартенс, 1900: 16). Отметим, что столь резкие оценки он высказывал, описывая итоги Гаагской мирной конференции 1899 г., работа которой была значительно результативнее в деле кодификации гуманитарного права.

Очевидно, что призывы Мартенса к практическому применению положений Конвенции о законах и обычаях войны не находили требуемого отклика в правительственных кругах. С целью донести до общественных деятелей и политиков важность имплементации норм гуманитарного права в ход вооруженных конфликтов во второй половине 1870-х гг. Мартенс написал ряд сочинений, самым значимым из которых стал труд «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.». Эта работа интересна не только подробным изложением перипетий Брюссельской конференции, но и глубоким анализом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с позиции соблюдения воюющими сторонами норм гуманитарного права. В данном труде были развиты многие предшествующие мысли и размышления ученого о природе войны, о международном праве, о характере кодификации гуманитарного права и пр. Современники по достоинству оценили это исследование, отдавая должное новизне темы и эрудированности автора. Вместе с тем отмечалось некритическое отношение Мартенса («сильная апология») к действиям правительства Российской империи и ее военачальников при резко отрицательных оценках политиков и армии Турции (Даневский, 1880: 10).

Сам Мартенс главную задачу своего сочинения определял как изложение «внутренней истории» Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он стремился выявить степень исполнения армиями двух стран ограничений бедствий войны, оценить прилагаемые ими усилия по сохранению жизней мирных жителей (Мартенс, 1879: 1, 142–143). Такая постановка проблемы позволяла автору глубже раскрыть феномен войны, а также объяснить необходимость повсеместного внедрения норм гуманитарного права. Кроме того, исследование имело вполне прикладную задачу (и здесь Мартенс проявлялся как дальновидный политик) – опровергнуть обвинения России в нарушении тех самых законов и обычаев войны, которые ее представители стремились конвенционализировать в 1874 г. Обвинения в нарушении норм гуманитарного права «посыпались» на русскую армию, как только она перешла турецкую границу. Помимо Порты, рассылавшей дипломатические ноты и телеграммы, которые выставляли Россию злостной нарушительницей законов и обычаев войны, ее обвиняло в этом английское правительство и европейская туркофильская печать (Мартенс, 1879: 305–306).

Первые страницы своего сочинения Мартенс посвятил подробному анализу природы межгосударственных столкновений. В этих рассуждениях в полной мере проявилась идейная антиномичность, характерная для умеренных противников войны. С одной стороны, Мартенс последовательно отстаивал идею пагубности войны для социально-экономического развития государств, ее архаичность как инструмента решения политических противоречий; с другой стороны, война для него – средство приобретения народами «условий физического существования..., их национальной чести и славы» (Мартенс, 1879: 1–2). В изложении ученого война представляла то «международной резней», которую следовало осуждать, то выступала источником творческой энергии, воплощением народного духа и поводом для национальной гордости (Мартенс, 1879: 2–3). «Всегда война разрушала то, что создано было миром, – писал он, – всегда война устраивала основы будущего мира, всегда в войне обнаруживалась жизненная сила народов, и определялось их положение на поприще мировых событий» (Мартенс, 1879: 4).

Вместе с тем критическое отношение к международным столкновениям и неприятие военного насилия не делали ученого сторонником «вечного мира». Более того, его установление он называл недоступной для человечества задачей, а категоричные заявления противников войны (И.Г. Гердера, Э. Жирардена) вызывали у Мартенса такое же отторжение, как и выступления ее апологетов (Ж. де Местр, П.-Ж. Прудон, фон Трейчке) (Мартенс, 1879: 6–19).

Залогом постепенного избавления человечества от войн в том виде, в каком они существовали прежде, ученый видел в науке международного права (Мартенс, 1871: 265–267). По его мнению, международное право, «наука будущности», должна была изменить характер войны, превратить его в политико-правовой акт, подчиненный определенным законам и процессуальным нормам. Он рассматривал войну по аналогии с гражданским правом как «тяжбу между народами» и развитие международного права оценивал как составную часть процесса ее правовой легитимизации (Мартенс, 1879: 24–31). Война неизбежна в мировой политике, признавал Мартенс, и вызвана объективными противоречиями между народами и государствами. Но непреложный закон провиденциальности военных конфликтов мог бы измениться вместе с перестройкой международных отношений. Развитие сотрудничества и рост взаимосвязей между государствами естественным образом уменьшали количество коллизий, вызывавших войны. Однако такой период пока не наступил и наступит нескоро, поэтому насущной задачей международного права, по мнению ученого, являлось

не устранение войн из человеческого общежития, но их гуманизация и упорядочивание посредством узаконивания (Мартенс, 1879: 31-43).

Думается, что взгляды Мартенса на войну можно определить как близкие к пацифизму (или умеренному пацифизму). Иными словами, при общем критическом отношении к войне он вполне допускал справедливые оборонительные, продиктованные национально-государственными интересами войны (Морданова, 2004). Мартенс признавал, что война является «крайним и опасным средством» разрешения межгосударственных противоречий. В то же время он утверждал, что военные действия вполне допустимы, если имели целью восстановление права или защиту мира. По его мнению, «всякая война только тогда будет правильна и согласна с условиями развития международной жизни, когда она удовлетворяет требованиям международного права» (Мартенс, 1869: 94-95).

Вину за начало Русско-турецкой войны Мартенс возлагал исключительно на Стамбул. Лишь нежелание Порты удовлетворить «справедливые желания восставших христиан» привело не только к расширению вооруженного выступления балканских славян, но и способствовало общему обострению восточного вопроса (Мартенс, 1879: 150). Свою роль сыграла и формально-безразличная реакция великих держав на турецкие бесчинства. Дипломатические меры, принимаемые европейскими политиками, были либо неэффективными, либо запоздалыми (Мартенс, 1879: 165-195). В этих условиях Россия была обязана взять на себя роль защитника балканских народов. Таким образом, Мартенс последовательно отстаивал идеи индуцированности войны для России, которая была вынуждена вмешаться, чтобы предотвратить зверства турецкой стороны и гибель невинных христиан (Мартенс, 1879: 201).

Общественный порядок, политическое устройство, а также общее культурное развитие народа прямо влияли на характер и методы ведения военных действий. К примеру, армия, воевавшая ради «высокой гуманной миссии», то есть ради освобождения «своих братьев от нестерпимого ига», априори не могла запятнать себя «зверствами и варварствами» (Мартенс, 1879: 43-44). Прозрачный намек Мартенса не оставлял сомнений: русские войска должны быть свободны от всяких обвинений и даже подозрений в нарушении норм гуманитарного права хотя бы в силу тех нравственных и культурных задач, которые ставила перед собой Россия, начиная войну с Турцией. Бинарный подход требовал не просто разделения противников, но и их цивилизационного противопоставления. В подобной оптике война со стороны России рассматривалась как оправданная, необходимая и, что важнее, законная. Уже в преамбуле своего сочинения Мартенс подчеркивал справедливость войны с варварской Турцией, чей политический порядок был основан «на диком произволе и неограниченных никакими законами насилиях» (Мартенс, 1879: II).

«Каждая война, – утверждал Мартенс, – есть выражение нравственного и умственного развития воюющих народов» (Мартенс, 1879: 43). Ориенталистское высокомерие автора оставляло Турцию вне нормативного поля гуманитарного права. Даже «высокообразованные» Франция и Пруссия в войне 1870-1871 гг. проявили «возмутительную жестокость». «Стоило ли, – риторически вопрошал ученый, – в таком случае ждать от турок, курдов и башибузуков соблюдения законов и обычаев войны?» Во время конфликта Турции и России имело место множество «самых возмутительных нарушений» норм гуманитарного права. Однако ответственность за несоблюдение правил ведения войны Мартенс возлагал исключительно на турецкую армию и ее командующих (Мартенс, 1879: 64).

Основной причиной игнорирования Турцией норм гуманитарного права, по мнению Мартенса, было даже не правовое невежество (которое, безусловно, наличествовало), а религиозно-культурные противоречия между воюющими сторонами. «Никогда турки, – утверждал он, – стоящие уже 400 лет военным лагерем в Европе, не сознавали своих обязанностей в отношении христианских народов, никогда их не связывали с христианским и цивилизованным миром ни общность, правосознания, ни одинаковое мировоззрение, ни общие культурные стремления» (Мартенс, 1879: 67). Более того, упрекая турок в несоблюдении законов войны, ученый одновременно сомневался в целесообразности привлечения их к процессу кодификации международного права. По мнению Мартенса, гуманизация войны должна проводиться лишь «образованными» народами, а не «хивинцами или китайцами» (Мартенс, 1879: 67-68). В то же время он признавал, что, несмотря на культурные несоответствия, Турция формально являлась «членом союза европейских цивилизованных государств». Кроме того, она подписала ряд международных соглашений, признанных гуманизировать вооруженные конфликты (например, Женевскую конвенцию о больных и раненых на войне 1864 г.). Следовательно, оценивать действия турецкой армии во время войны с Россией нужно было, исходя из действовавших для развитых стран правовых норм и правил (Мартенс, 1879: 67-68).

По мнению Мартенса, Порты, участвуя в процессе кодификации гуманитарного права (к примеру, представители Турции поддержали российский проект на Брюссельской конференции), совершенно ничего не делала для имплементации соответствующих норм в жизнь собственной армии. «Турецкие войска, – утверждал Мартенс, – не только не имели понятия о каких бы то ни было обычаях и законах войны, но они даже не знали, что существует какая-то конвенция, запрещающая стрелять по лазаретам и обеспечивающая неприкосновенность жизни раненых и больных воинов» (Мартенс, 1879: 234). Ученый высмеивал попытку Турции сформулировать свои собственные

исламские правила ведения войны. По его мнению, эти «святые законы» мало чем отличались от условного «международного права ирокезов», поедавших своих военнопленных. Однако подобный правовой водораздел являлся неизбежным и был связан с цивилизационными различиями Турции и христианских государств (Мартенс, 1879: 238). Отметим, что имагологические рассуждения Мартенса вполне вписывались в общий мейнстрим описаний турецкого общества и правительства, бытовавший в то время в отечественной литературе. Негативные зарисовки турецких порядков в формате «свой/чужой» преобладали даже в либеральной журналистике, а с весны 1877 г. отечественные публицисты четко и последовательно проводили линию на «максимальное очернение противника, окончательное «вымывание» из его образа человечности и моральных устоев» (Николаев, 2016: 112).

Уничижительные оценки Мартенсом уровня правовой культуры Турции, конечно, не являлись частным моментом, связанным лишь с Русско-турецкой войной. Ученый вообще скептически относился к идее распространения «пространства международного права» на т.н. нецивилизованные страны (в том числе и на Турцию). Он критиковал позицию известного швейцарского юриста И.К. Блончли, по мнению которого, область применения международного права – «весь мир, что оно совпадает с правом всего человечества» (Мартенс, 1882b: 179-182). Отметим также и антиисламские выпады Мартенса, для которого религиозный фанатизм турок выступал важным фактором, препятствовавшим гуманитарной политике (Мартенс, 1879: 346-352).

В то же время действия России в период войны описывались Мартенсом исключительно комплиментарно. По его мнению, русская армия соответствовала трем важнейшим условиям, гарантировавшим неизменное соблюдение законов войны – общее осознание пользы от следования нормам гуманитарного права, высокая степень образованности и культуры солдат и офицеров, строгое соблюдение воинской дисциплины (Мартенс, 1879: 299-300). Формальным подтверждением гуманного поведения русской армии стало появление ряда распоряжений и деклараций. Важнейшим из них являлся сенатский указ 12(24) мая 1877 г., который подробно разъяснял войскам «их права и обязанности», став первым актом подобного рода в новейшей европейской истории. Сходство этого документа с постановлениями Института международного права ученый считал не пустым заимствованием, а важным доказательством приверженности России международно-правовым принципам и ценностям (Мартенс, 1879: 241-242). Особое значение, по мнению Мартенса, имела 12-я статья сенатского указа, в которой говорилось о необходимости вести военные действия сообразно законам и обычаям войны, утвержденным на Брюссельской конференции 1874 г. (Мартенс, 1879: 268-275). В числе других важнейших документов, принятых российским правительством с целью гуманизации войны и ее последствий, Мартенс называл временное положение о военнопленных, разработанное специальной комиссией. По его мнению, итоговый проект положения вполне соответствовал «требованиям современной практики в этом вопросе» и получил закономерное одобрение Института международного права (Мартенс, 1879: 276-282).

В отличие от турецких военачальников, своими призывами разжигавших религиозный фанатизм, руководство российской армии неоднократно издавало приказы, в которых говорилось о том, что «русский солдат должен относиться с уважением к мирным обывателям неприятельской земли, к их вере и религиозны обрядам» (Мартенс, 1879: 282). Важной частью данных распоряжений Мартенс считал отсутствие в них какой-либо религиозной предвзятости и/или несправедливости (Мартенс, 1879: 286). Более того, ссылаясь на английских дипломатов и английские газеты (очевидно, намеренно), ученый утверждал, что действия русских войск по отношению к мирным жителям были столь гуманны и безупречны, что «подданные султана вздохнули свободно только под властью врага их отечества» (Мартенс, 1879: 288).

В своей работе Мартенс подробно разбирал исполнение воюющими сторонами отдельных норм гуманитарного права. К примеру, он подробно рассмотрел компетенцию и характер деятельности русской оккупационной власти – военной и гражданской (Мартенс, 1879: 312-317). Говоря о полномочиях гражданской администрации, которую возглавил В.А. Черкасский, Мартенс подчеркивал их полное соответствие постановлениям Брюссельской конференции (Мартенс, 1879: 326). Он критиковал лишь отдельные действия русской администрации, несправедливые не с точки зрения «буквы», но с позиции «духа» гуманитарного права. Так, по его мнению, следовало передать бежавшим от турецких зверств болгарам имущество местных турок (Мартенс, 1879: 326-329). Недостатки в деятельности русской гражданской администрации Мартенс связывал не с внутренними ее изъянами, а внешним фактором – вековым османским владычеством, укоренившейся неэффективной системой управления, перестройка которой являлась сложной и долговременной задачей (Мартенс, 1879: 335-336).

Апеллируя к 38-й и 39-й статьям брюссельской Конвенции, Мартенс доказывал необходимость сохранения жизни, чести, достоинства и имущества населения завоеванных территорий. И если поведение русской администрации ученый находил достойным и гуманным, то действия турецких войск по отношению к собственному населению вызывали у него неподдельное возмущение. В этом он видел юридическую коллизию Русско-турецкой войны, так как нормы гуманитарного права регулировали международные отношения, и, соответственно, действия армии на своей территории рассматривались как внутреннее дело (Мартенс, 1879: 345). Непостижимо чудовищно выглядели для

него действия турецких войск, которые совершали жестокие преступления против своих же соотечественников, рассматривая христианских жителей Болгарии как «заклятого врага». В результате местное население видело в русской армии не захватчиков, а спасителей, что, разумеется, не освобождало последних от соблюдения законов и обычаев войны.

В отличие от турецких войск и иррегулярных соединений, творивших страшные злодеяния против христианского населения в собственной стране, российская армия отличалась неукоснительным соблюдением норм гуманитарного права. Мартенс с негодованием отвергал «бесстыдные выдумывания» турецких политиков, обвинявших русское командование в целенаправленном истреблении местных мусульман. Своей задачей он считал необходимость доказать, что «гнусные поступки», приписываемые русским военным, были не только следствием «возбужденной войной фантазии», но и в еще большей степени – результатом «систематически и сознательно распространяемой лжи» (Мартенс, 1879: 356-360). Конечно, он допускал отдельные правовые эксцессы, вызванные невозможностью отследить действия всей массы военных. Однако подобные нарушения относились, прежде всего, к болгарам, которые «действительно неоднократно позволяли себе бесчинствовать в отношении турок» (Мартенс, 1879: 360-361).

Диалектический характер изложения требовал не только расчеловечить противника, но и параллельно всячески идеализировать собственную армию. Русские войска описывались Мартенсом «безупречными войнами», храбрыми и дисциплинированными, но при этом гуманными и сострадательными к побежденному противнику. Ссылаясь на иностранных корреспондентов (вновь преимущественно английских), он рисовал идеальную картину добросердечного отношения к мирному мусульманскому населению. В ней русский солдат не только делился хлебом с голодающими женщинами и детьми, но и охранял имущество беглецов-мусульман от желавших поживиться им болгар (Мартенс, 1879: 376-379). Местные жители, страдавшие от плохого управления и «хищнических грабежей», лишь под защитой русской армии находили «мир и процветание» (Мартенс, 1879: 381-382).

Отдельно Мартенс рассмотрел правомочность действий воюющих сторон на «поле сражения», использование ими конвенциональных боевых средств. Признавая необходимость нанесения неприятелю наибольшего ущерба, ученый одновременно призывал к необходимости его ограничения из-за гуманных соображений. Влияние культуры, военной дисциплины и христианской религии способствовало смягчению военных действий, а также признавало противозаконными использование отдельных средств и способов ведения войны (Мартенс, 1879: 401-405). В этом вопросе Мартенс вновь притивопоставлял русскую армию, неукоснительно следовавшую по пути гуманизации войны, турецким войскам, в которых жестокие преступления творились как регулярными частями, так и в еще большей степени иррегулярными соединениями (черкесами, курдами, башибузуками). Последние, по его мнению, представляли собой дикие, варварские племена, которые должны быть запрещены при ведении военных действий в Европе. При этом сравнение условных башибузуков с казаками Мартенс начисто отметал, так как казачьи соединения беспрекословно подчинялись вышестоящему командованию и строго следовали воинской дисциплине (Мартенс, 1879: 406-409).

Касаясь недопустимых средств ведения войны, ученый обвинял турецкую армию в использовании запрещенного Брюссельской декларацией ядовитого и/или отравленного оружия. Речь шла об отравлении колодцев с водой, которыми пользовались российские солдаты и местные жители (Мартенс, 1879: 411). Показательно, что эти сведения Мартенс почерпнул из донесения австро-венгерского консула, которому безоговорочно поверил. Однако содержащуюся там же информацию о расстреле ста турок по приговору военного суда он счел не заслуживающей доверия (Мартенс, 1879: 411-412).

Резкие слова ученый нашел и для действий турецкой стороны по отношению к положившим оружие и сдавшимся русским военным. Он приводил пример (ссылаясь на английского корреспондента) о расстреле большого количества добровольно сдавшихся русских солдат и казаков. Этот расстрел безнаказанно совершил отряд курдов (Мартенс, 1879: 415). Творимые турками зверства могли бы вызвать со стороны русской армии ответные действия, однако права турецких военнопленных, безусловно, соблюдались. В то же время, считал Мартенс, требовать педантичного исполнения законов войны, когда противная сторона их полностью игнорирует, было невозможно (Мартенс, 1879: 415).

Кроме того, Мартенс приводил свидетельства нарушений турецкими военными решений Санкт-Петербургской конференции 1868 г. (в которой Турция также участвовала) о запрете разрывных и зажигательных пуль массой меньше 400 граммов. В дальнейшем это положение было развито в Брюссельской Конвенции, запретившей использование оружия, снарядов и веществ, причинявших «напрасные физические страдания». Однако ученый сомневался в полной достоверности таких сведений, так как Турция зависела от экспорта пуль и винтовок, а основные ее оружейные импортеры (Англия и США) не смогли бы скрыть подобные поставки. Кроме того, личные расспросы Мартенса российских военных врачей показали отсутствие случаев использования разрывных пуль, оставлявших очень тяжелые ранения (Мартенс, 1879: 415). Тем не менее, в рассуждениях ученого, отвергавшего подобные обвинения, подспудно присутствовала мысль, что турецкая армия не

применяла запрещенные виды вооружений не из-за гуманизма, а потому, что не имела возможности их использовать. Разумеется, обвинения турецкой стороны в применении русскими моряками воспламеняющих веществ и торпед против турецких судов он считал надуманными, так как использование данного оружия не было запрещено (Мартенс, 1879: 416-420).

Законы и обычаи войны, по мнению Мартенса, должны были распространяться только на комбатантов, то есть на прямых участников военных действий в составе официальных вооруженных сил. Следовательно, на мирное население, которое взяло оружие и вело партизанские действия, нормы гуманитарного права не распространялись (Мартенс, 1879: 420-422). Во время войны с Турцией этот вопрос приобрел особую актуальность, так как русские войска встретили яростное сопротивление со стороны гражданского (мусульманского) населения, которое регулярно устраивало «вероломные нападения». В таких случаях военные поступали в полном соответствии с законами и обычаями войны, жестоко подавляя всякое сопротивление, что Мартенс полностью поддерживал (Мартенс, 1879: 437-438). В то же время, несмотря на законное право поступать в отношении иррегулярных турецких частей жестко и решительно, русская армия проявляла к ним человеколюбие, распространяя на них права комбатантов. В результате зейбеки (турецкие партизанские и милицейские отряды), башибузуки, черкесы и курды, совершавшие массовые преступления против мирного населения, попав в плен, пользовались «правами военнопленных, вместо того чтобы быть судимыми, как разбойники и преступники» (Мартенс, 1879: 440).

К совершенно законным и оправданным средствам ведения войны Мартенс относил осаду и бомбардировку вражеских укреплений. Согласно Брюссельской Конвенции, незащищенные поселения атаке и бомбардировке подвергаться не должны. Кроме того, об атаке даже укрепленный город необходимо было предупреждать заранее, следовало по возможности щадить расположенные в нем культурные, религиозные, научные, медицинские здания и ценности, а также не отдавать захваченный город на разграбление войскам (Мартенс, 1879: 447-450). В этом аспекте гуманитарного права Мартенс вновь видел исключительно турецкие нарушения. Он упоминал умышленные и неоднократные бомбардировки турецкой армией «беззащитных» российских городов – Сухуми-Кале, Поты, Феодосию, Анапу, Евпаторию. Наличие вооружений для их защиты, по мнению Мартенса, весьма незначительных, не служило оправданием антигуманных действий турок (Мартенс, 1879: 453). В свою очередь, в случае бомбардировок русской армией турецких укреплений ее командование делало все от него зависевшее для защиты мирных обывателей (Мартенс, 1879: 455-458). Отдельно ученый подчеркивал отсутствие каких-либо сведений о разграблении взятых турецких поселений. В качестве комичного исключения он приводил пример быстро пресеченных «безобразий» казаков, мазавших сапоги трофейным розовым маслом при взятии города Казанлык (Мартенс, 1879: 458-459).

Тема военного шпионажа также не осталась без внимания Мартенса. Предшествовавшая военно-юридическая практика предполагала для пойманных лазутчиков однозначный смертный приговор по причине «громдного вреда», который приносила их деятельность на войне. В то же время Брюссельская Конвенция (21-я ст.) обязывала шпиона, пойманного на месте преступления, предавать суду и наказывать на «основании военных законов, действующих в государстве, взявшем его в плен» (Мартенс, 1879: 462). Турецкие военачальники, считал ученый, и в этом случае руководствовались не правилами «цивилизованной войны», а своими «азиатскими понятиями», обвиняя в шпионаже и подвергая смертной казни тех, кто по всем признакам шпионом не являлся (например, доставлял письма в русские воинские части). При этом никаких судебных процедур турки не проводили, что было прямым нарушением соответствующей статьи Брюссельской Конвенции. В каждом местном христианине турецкие солдаты видели потенциального лазутчика и соглядатая, жестоко расправляясь с невинными жертвами необоснованных подозрений (Мартенс, 1879: 464). В свою очередь, с пойманными турецкими шпионами российские военные поступали согласно нормам гуманитарного права, то есть судили их «русскими военно-уголовными законами» (Мартенс, 1879: 465).

Еще более предосудительными казались Мартенсу действия турецкой армии в отношении парламентарского флага, статус которого определялся и защищался 43-й, 44-й и 45-й статьями Брюссельской Конвенции (Мартенс, 1879: 467). Со стороны русской армии он называл лишь одно незначительное нарушение статуса турецкого парламентаря (при осаде Карса). В то же время случаи нарушения турецкой стороной прав русских парламентаров были не в пример более жестокими и циничными. При этом ученый отвергал идею перекладывания вины за военные преступления с регулярной турецкой армии на ее иррегулярные части (башибузуков, курдов и черкесов). По его мнению, многие нарушения турецкой армией прав и обычаев войны происходили при попустительстве или даже прямом участии ее строевых командиров (Мартенс, 1879: 468-476).

Подводя итог анализу использованных в войне различных средств, Мартенс был демонстративно категоричен: «если русская армия всегда старалась в своих действиях сообразоваться с требованиями современных обычаев войны, то, наоборот, турецкие войска постоянно выказывали полнейшее презрение ко всем законам войны и к требованиям человеколюбия» (Мартенс, 1879: 479). В связи с этим он поднимал вопрос о репрессалиях как инструменте принуждения к выполнению норм гуманитарного права и наказания за их несоблюдение. По мнению ученого, действия турецкой стороны давали русским властям множество поводов для применения репрессалий. Часть российской

общественности, возмущенная злодеяниями Турции, требовала применения этого принудительного средства в отношении турецких военнопленных. Однако подобные действия, считал Мартенс, унизили бы «нравственное достоинство русских войск» и, кроме того, были бы совершенно бесполезны, учитывая уровень культуры и правосознания турецкой армии и ее иррегулярных частей (Мартенс, 1879: 481-490).

Отдельно Мартенс рассматривал отношение к раненым, больным и военнопленным во время Русско-турецкой войны и его соответствие нормам Женевской Конвенции 1864 г. На момент начала конфликта данная Конвенция являлась «единственно обязательным международным законом для определения судьбы раненых и больных воинов во время международных войн» (Мартенс, 1879: 497). Ученый призывал дополнить содержание Женевской Конвенции, распространив ее положения на морские сражения, но главное – обеспечить тщательное и добросовестное ее исполнение (Мартенс, 1879: 501). Очевидно, что народом, не способным «понять высокогуманной цели Женевской Конвенции», по мнению Мартенса, были мусульманские подданные Османской империи. Он упрекал не только войска, но и турецких политиков в незнании на них обязанностей по защите раненых и больных. В результате власти Турции относились к исполнению норм подписанной ими же Женевской Конвенции с «неслыханным легкомыслием и невероятной небрежностью», а ее регулярные и иррегулярные войска совершали «зверские истязания» над русскими ранеными и больными (Мартенс, 1879: 503). Описанные Мартенсом примеры жестоких расправ над ранеными русскими военными заставляли читателя смотреть на Турцию не просто как на нарушителя законов и обычаев войны, а как на «антицивилизацию», где чудовищные преступления совершались повсеместно и всеми – от рядовых солдат до высших офицеров (Мартенс, 1879: 520-525).

На фоне неприглядных действий Порты Россия и ее армия выглядели образцом для подражания, наглядным примером нравственного и правомерного поведения военных. Русское правительство с начала конфликта твердо и решительно объявило о своем намерении неукоснительно исполнять правила Женевской Конвенции. Турецкая сторона в качестве отличительного санитарного знака приняла Красный полумесяц, о чем незамедлительно было сообщено войскам (Мартенс, 1879: 507-508). Любые обвинения России в ненадлежащем исполнении Женевской Конвенции Мартенс отвергал как ложные (Мартенс, 1879: 511-518). «Везде, на поле сражения и в качестве госпитального служителя, – писал Мартенс, – русский солдат обнаруживал столько нравственной доблести, возвышенности характера и невероятной доброты, что, воистину, нельзя смотреть на него иначе, как с чувством глубочайшего уважения и справедливой гордости» (Мартенс, 1879: 527).

Правовой статус военнопленных регулировали одиннадцать статей Брюссельской Конвенции (с 23-й по 34-ю) (Мартенс, 1879: 534). По подсчетам Мартенса, в турецком плену в общей сложности побывало около 600 человек, включая сочувствующих России абхазов, армян и персов (Мартенс, 1879: 542). Однако обращение даже с таким небольшим количеством военнопленных происходило с постоянным нарушением норм гуманитарного права. Турки смотрели на захваченных в плен как на простых уголовников и обращались с ними соответствующим образом. «Следовательно, – констатировал ученый, – и в вопросе о военнопленных Турция показала себя азиатской державой, которая не в состоянии понять обычаи и законы войны, принятые цивилизованными и христианскими народами» (Мартенс, 1879: 543).

Совершенно иным было отношение к пленным туркам, которые пользовались большой свободой и содержались в хороших условиях (Мартенс, 1879: 547-549). Общая численность взятых в плен и прошедших через общие сборные пункты турецких военнопленных, по оценкам ученого, составляла 70 654 человека. Кроме того, часть пленных была передана румынской армии, часть – отпущена по домам. Также «громадное число пленных» погибло от холода и болезней, не перейдя русскую границу (Мартенс, 1879: 549-550). Показательно, что, отмечая массовую гибель турецких военнопленных, Мартенс данный факт никак не комментировал. Вместо этого он гневно отвергал нападки европейских политиков и общественных деятелей на якобы жестокое обращение русских властей с пленными турками (Мартенс, 1879: 551-553). По мнению ученого, турецкие военные не просто были довольны условиями своего содержания в плену, но по возвращении на родину в многочисленных письмах благодарили российские власти за доброту и радушие. «Возвратившиеся в Турцию военнопленные, – писал он, – до такой степени были очарованы гостеприимством и гуманностью обращения с ними в России, что не могли нахвалиться на родине о русском народе» (Мартенс, 1879: 556).

Помимо труда «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.», проблему соблюдения норм международного права в период восточного кризиса и Русско-турецкой войны Мартенс анализировал и в других своих работах. Так, в известном учебнике по международному праву (впоследствии неоднократно переизданном и переведенном на основные европейские языки) он отмечал различные меры, которые принимались российским правительством с целью гуманизации военных действий. Справедливости ради отметим, что большинство ссылок при этом ученый делал на свой труд «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.» (Мартенс, 1883: 470-472, 482, 488).

5. Заключение

В качестве выводов отметим, что оценки Мартенсом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. необходимо рассматривать в контексте его взглядов на феномен войны и общую роль международного права. Саму войну ученый рассматривал как неизбежное зло, а международное право – сдерживающим его элементом, который в перспективе мог стать эффективным средством постепенного вытеснения межгосударственных конфликтов из человеческого общежития. Важнейшим механизмом смягчения негативных последствий войны Мартенс считал активное применение в ее ходе норм гуманитарного права. Однако к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. общепринятого и обязательного свода правил, регулировавших различные аспекты военных действий, не существовало. Несколько конференций по кодификации гуманитарного права (Женевская 1864 г., Санкт-Петербургская 1868 г.) закончились подписанием полезных, но явно недостаточных деклараций по гуманизации войны. На Брюссельской конференции 1874 г. была разработана Конвенция законов и обычаев войны, положения которой при всей их важности носили лишь рекомендательный характер. Тем не менее именно анализ соблюдения воевавшими сторонами норм и правил брюссельской Конвенции стал основной исследовательской задачей монументального труда Мартенса «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.».

В этой работе он подробно рассмотрел применение важнейших норм гуманитарного права накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Выводы Мартенса были категоричны: в прошедшем конфликте единственной стороной, соблюдавшей нормы, законы и обычаи войны, была Россия. Отдельные эксцессы, происходившие в русской армии, ученый списывал либо на несовершенство законодательства, либо объяснял их ожесточением местных христиан, наконец-то получивших возможность свести счеты с вековым угнетателем. Вместе с тем правительство и войска Турции он рисовал самыми «черными красками», отказывая им не только в недостаточном соблюдении норм гуманитарного права, но и в минимальном его применении.

Композиционно система доказательств и утверждений Мартенса строилась по следующей схеме: история вопроса (с примерами, как правило, из войн XIX в.), перечисление нарушений/преступлений турецкой стороны, на негативном фоне которых шло выигрышное описание законных и справедливых действий русской армии. В то же время укажем, что очевидно огульные и неправдоподобные обвинения в адрес Турции Мартенс отвергал или называл недостаточно доказуемыми (к примеру, использование турецкой армией разрывных пуль). Однако даже в данном случае соблюдение Турцией гуманистических начал было вынужденным, а не вызванным искренним желанием им следовать. Аргументация Мартенса в значительной степени опиралась на сведения представителей нейтральных стран (журналистов, дипломатов, военных), среди которых преобладали представители Великобритании. Мнения сторонних наблюдателей при этом оценивались с точки зрения их соответствия позиции автора, в случае расхождения с ней они сразу объявлялись предвзятыми и туркофильскими.

Несмотря на очевидные достоинства труда «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.», нельзя не отметить пристрастность автора, на которую обращали внимание еще его современники. Черно-белое изображение действий русских и турецких войск расчеловечивало последних, превращало их описание в редуцированный и тенденциозный рассказ о безжалостной и изуверской Орде. В подобной оптике и сама Турция, и ее институты виделись не случайными, а злонамеренными нарушителями законов и обычаев войны. Дикость и варварство турок требовали вывести их за пределы «культурных наций». Под пером Мартенса Турция выглядела государством не просто глубоко архаичным и не способным усвоить западные ценности, а последовательно и целенаправленно враждебным европейской, а в широком смысле и христианской, цивилизации.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

Литература

- Грибовский, 1896** – Грибовский В.М. Юбилей профессора Ф.Ф. Мартенса // *Журнал Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете*. 1896. Кн. 2. С. 41-45.
- Даневский, 1880** – Даневский В.Ф. Мартенс. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб., 1879 // *Критическое обозрение*. 1880. № 1. С. 10-27.
- Демьяненко, Иваненко, 2020** – Демьяненко И.В., Иваненко В.С. Вехи истории жизни и заслуг Ф.Ф. Мартенса – выдающегося дипломата и юриста-международника // *Международная жизнь*. 2020. № 2. С. 70-87.
- Ельяшевич, 1911** – Ельяшевич Ф.О. [Из иностранных журналов] // *Журнал Министерства Юстиции*. 1911. № 2. С. 330-332.

- Заботкин, 2008** – Заботкин А.С. Вклад Ф.Ф. Мартенса в выработку текста Брюссельской декларации 1874 г. / *Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции*. Москва, 20-21 апреля 2007 г. Москва, 2008. С. 118-122.
- Лесмент, 1975** – Лесмент Л.Я. Новые сведения из жизни Ф.Ф. Мартенса // *Советское право: Юридический бюллетень*. Таллин, 1975. № 5. С. 358-360.
- Мартенс, 1869** – Мартенс Ф.Ф. О праве частной собственности во время войны. Санкт-Петербург, 1869. 455 с.
- Мартенс, 1871** – Мартенс Ф.Ф. О задачах современного международного права // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1871. № 6. С. 251-268.
- Мартенс, 1874** – Мартенс Ф.Ф. Брюссельская международная конференция 1874 г. // *Сборник государственных знаний*. Санкт-Петербург, 1874. Т. 1. С. 181-232.
- Мартенс, 1879** – Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 гг. Санкт-Петербург, 1879. VIII, 596, 46 с.
- Мартенс, 1882a** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II. Из истории наших международных отношений // *Вестник Европы*. 1882. № 5. С. 226-268.
- Мартенс, 1882b** – Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Санкт-Петербург, Т. 1. 1882. 418 с.
- Мартенс, 1883** – Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Санкт-Петербург, 1883. Т. 2. 586 с.
- Мартенс, 1891a** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // *Русская мысль*. 1891. № 1. С. 38-54.
- Мартенс, 1891b** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // *Русская мысль*. 1891. № 2. С. 1-36.
- Мартенс, 1896** – Мартенс Ф.Ф. Император Николай I и королева Виктория. Исторический очерк // *Вестник Европы*. 1896. № 11. С. 74-130.
- Мартенс, 1900** – Мартенс Ф.Ф. Гагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // *Вестник Европы*. 1900. № 3. С. 5-28.
- Морданова, 2004** – Морданова А.Р. Теоретическое осмысление пацифизма и пацифицизма / *Социологические институты: ретроспекции и реальность: Материалы VII межвузовской региональной межвузовской конференции (Омск, 15 ноября 2003 г.)*. Омск, 2004. С. 36-42.
- Николаев, 2014** – Николаев Н.Ю. Ф.Ф. Мартенс о войне и мире // *История государства и права*. 2014. № 7. С. 9-12.
- Николаев, 2016** – Николаев Н.Ю. «Заключенные враги европейской культуры и человеческой равноправности» – образ Османской империи в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны (1875-1878 гг.) на страницах журнала «Вестник Европы» / *Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей*. Ставрополь, 2016. С. 109-113.
- Нольде, 1909** – Нольде Б.Э. Ф.Ф. Мартенс (Некролог) // *Право. Ежедневная юридическая газета*. 1909. № 24 (14 июня). Стб. 1449-1452.
- Пустогаров, 1999** – Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат. Москва, 1999. 286 с.
- Стародубцев, 1988** – Стародубцев Г.С. Вклад Ф.Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах // *Советское государство и право*. Москва, 1988. № 7. С. 107-110.

References

- Danevskii, 1880** – Danevskii, V.F. (1880). Martens. Vostochnaya voina i Bryussel'skaya konferentsiya. SPb., 1879 [Martens. The Eastern War and the Brussels Conference. St. Petersburg, 1879]. *Kriticheskoe obozrenie*. 1: 10-27. [in Russian]
- Dem'yanenko, Ivanenko, 2020** – Dem'yanenko, I.V., Ivanenko, V.C. (2020). Vekhi istorii zhizni i zaslug F.F. Martensa – vydayushchegosya diplomata i yurista-mezhdunarodnika [Milestones in the history of the life and merits of F.F. Martens, an outstanding diplomat and international lawyer]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2: 70-87. [in Russian]
- El'yashevich, 1911** – El'yashevich, F.O. (1911). [Iz inostrannykh zhurnalov] [From foreign magazines]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 2: 330-332. [in Russian]
- Gribovskii, 1896** – Gribovskii, V.M. (1896). Yubilei professora F.F. Martensa [Anniversary of Professor F.F. Martens]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. Kn. 2. Pp. 41-45. [in Russian]
- Lesment, 1975** – Lesment, L.Ya. (1975). Novye svedeniya iz zhizni F.F. Martensa [New information from the life of F.F. Martens]. *Sovetskoe pravo: Yuridicheskii byulleten'*. Tallin. 5: 358-360. [in Russian]
- Martens, 1869** – Martens, F.F. (1869). O prave chastnoi sobstvennosti vo vremya voyny [On the right of private property during the war]. Sankt-Peterburg, 455 p. [in Russian]

Martens, 1871 – *Martens, F.F.* (1871). O zadachakh sovremennogo mezhdunarodnogo prava [On the tasks of modern international law]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6: 251-268. [in Russian]

Martens, 1874 – *Martens, F.F.* (1874). Bryussel'skaya mezhdunarodnaya konferentsiya 1874 g. [The Brussels International Conference of 1874]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. Sankt-Peterburg, 1874. T. 1. Pp. 181-232. [in Russian]

Martens, 1879 – *Martens, F.F.* (1879). Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874-1878 gg. [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874-1878]. Sankt-Peterburg. VIII, 596, 46 p. [in Russian]

Martens, 1882a – *Martens, F.F.* (1882). Rossiya i Prussiya pri Ekaterine II. Iz istorii nashikh mezhdunarodnykh otnoshenii [Russia and Prussia under Catherine II. From the history of our international relations]. *Vestnik Evropy*. 5: 226-268. [in Russian]

Martens, 1882b – *Martens, F.F.* (1882). Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern international law of civilized peoples]. Sankt-Peterburg, 1882. T. 1. 418 p. [in Russian]

Martens, 1883 – *Martens, F.F.* (1883). Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern international law of civilized peoples]. Sankt-Peterburg. T. 2. 586 p. [in Russian]

Martens, 1891a – *Martens, F.F.* (1891). Rossiya i Angliya v prodolzhenie XVI i XVII vekov [Russia and England during the XVI and XVII centuries]. *Russkaya mysl'*. 1: 38-54. [in Russian]

Martens, 1891b – *Martens, F.F.* (1891). Rossiya i Angliya v prodolzhenie XVI i XVII vekov [Russia and England during the XVI and XVII centuries] *Russkaya mysl'*. 1891. № 2. S. 1-36. [in Russian]

Martens, 1896 – *Martens, F.F.* (1896). Imperator Nikolai I i koroleva Viktoriya. Istoricheskii ocherk [Emperor Nicholas I and Queen Victoria. Historical essay]. *Vestnik Evropy*. 11: 74-130. [in Russian]

Martens, 1900 – *Martens, F.F.* (1900). Gaagskaya konferentsiya mira. Kul'turno-istoricheskii ocherk [The Hague Peace Conference. Cultural and historical essay]. *Vestnik Evropy*. 3: 5-28. [in Russian]

Mordanova, 2004 – *Mordanova, A.R.* (2004). Teoreticheskoe osmyslenie patsifizma i patsifitsizma [Theoretical understanding of pacifism and pacificism]. *Sotsiologicheskie instituty: retrospektiv i real'nost': Materialy VII mezhdunarodnoi regional'noi mezhdunarodnoi konferentsii (Omsk, 15 noyabrya 2003 g.)*. Omsk. Pp. 36-42. [in Russian]

Nikolaev, 2014 – *Nikolaev, N.Yu.* (2014). F.F. Martens o voine i mire [F.F. Martens on war and peace]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 7: 9-12. [in Russian]

Nikolaev, 2016 – *Nikolaev, N.Yu.* (2016). «Zaklyatye vragi evropeiskoi kul'tury i chelovecheskoi ravnopravnosti» – obraz Osmanskoi imperii v period Vostochnogo krizisa i russko-turetskoi voyny (1875-1878 gg.) na stranitsakh zhurnala «Vestnik Evropy» [«Sworn enemies of European culture and human equality» – the image of the Ottoman Empire during the Eastern crisis and the Russian-Turkish War (1875-1878) on the pages of the journal «Bulletin of Europe»]. *Regional'nyi narrativ imperskoi provintsii: sovremennye metodologicheskie podkhody i issledovatel'skie praktiki: sbornik nauchnykh statei*. Stavropol'. Pp. 109-113. [in Russian]

Nol'de, 1909 – *Nol'de, B.E.* (1909). F.F. Martens (Nekrolog) [Martens (Obituary)]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 24 (14 iyunya). Stb. 1449-1452. [in Russian]

Pustogarov, 1999 – *Pustogarov, V.V.* (1999). F.F. Martens – yurist, diplomat [F.F. Martens – lawyer, diplomat]. Moskva, 286 p. [in Russian]

Starodubtsev, 1988 – *Starodubtsev, G.S.* (1988). Vklad F.F. Martensa v kodifikatsiyu mezhdunarodnykh pravil, primenyaemykh v vooruzhennykh konfliktakh [F.F. Martens' contribution to the codification of international rules applied in armed conflicts]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. Moskva. 7: 107-110. [in Russian]

Zabotkin, 2008 – *Zabotkin, A.S.* (2008). Vklad F.F. Martensa v vyrabotku teksta Bryussel'skoi deklaratsii 1874 g. [F.F. Martens' contribution to the elaboration of the text of the Brussels Declaration of 1874]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moskva, 20-21 aprelya 2007 g. Moskva. Pp. 118-122. [in Russian]

«Порта никакими определенными правилами или законами цивилизованной войны не руководствовалась»: Ф.Ф. Мартенс о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и гуманитарном праве

Николай Юрьевич Николаев ^{a, *}, Дарья Степановна Юрченко ^b

^a Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nikcam@mail.ru (Н.Ю. Николаев), dariayurch01@mail.ru (Д.С. Юрченко)

Аннотация. В статье выявлены взгляды известного российского ученого-правоведа и дипломата Ф.Ф. Мартенса на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и соблюдение воюющими сторонами норм гуманитарного права. Свою позицию Мартенс изложил в фундаментальном труде «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.». В данной работе он стремился проанализировать политико-правовые аспекты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также обосновать важность соблюдения норм гуманитарного права. Кроме того, Мартенс стремился опровергнуть обвинения в адрес России в нарушении законов и обычаев войны, которые были кодифицированы на созванной по ее инициативе Брюссельской конференции 1874 г.

Значительное место в своем труде Мартенс уделил рассмотрению природы войны. Конфликты между отдельными людьми и народами он считал неизбежными, но их формы и последствия должны постепенно изменяться под влиянием социального прогресса. Эффективным средством разрешения и предупреждения межгосударственных столкновений Мартенс считал международное право. В оценке соблюдения воюющими сторонами законов и обычаев войны Мартенс занимал позицию жесткого и категоричного критика Турции, которая постоянно и целенаправленно нарушала нормы гуманитарного права, несмотря на свое участие в Брюссельской конференции 1874 г. Ученый объяснял это общим низким уровнем правовой культуры как простых турок, так и турецкой элиты. В свою очередь, армия России в период войны с Турцией строго следовала нормам гуманитарного права, несмотря на фактический отказ со стороны противника соблюдать их.

Ключевые слова: Ф.Ф. Мартенс, война, мир, пацифизм, Брюссельская конференция 1874 г., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., международное гуманитарное право.